
ТОЧКА
НЕВОЗВРАТА
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Книга 2: Сопротивление

Александр Хоук

Точка невозврата. Книга 2: Сопротивление

«Автор»
2026

Хоук А.

Точка невозврата. Книга 2: Сопротивление / А. Хоук — «Автор», 2026

Он не помнит своего имени. Не помнит, кем был до лаборатории. Но помнит голос матери, кричавшей: «Беги!» Помнит отца, сказавшего: «Ты — зверь. Настоящий. Свободный». И помнит брата, которого стёрли из его памяти, но который ждёт его в Нью-Йорке.Сириус Хоук — гибрид, объект 0773, пленник корпорации «Био Плюс» как подопытный. Он сбежал. Он убил. Он вернулся за той, кого любит. Теперь он — враг для всех: для корпорации, для мира, который боится чудовищ. Но он идёт в Нью-Йорк, чтобы найти брата по имени Тень и уничтожить тех, кто хотел сделать его монстром.«Точка невозврата» — это история о том, что делает нас людьми, когда всё человеческое стёрли. О верности. О памяти. О сопротивлении, которое нельзя остановить.

© Хоук А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЭПИГРАФ 6
ПРОЛОГ. «ЭХО» 7
ГЛАВА 1. «ВРАГ НАРОДА» 8
ГЛАВА 2. «КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА» 10
ГЛАВА 3. «ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО» 13
ГЛАВА 4. «ЛИНЗЫ» 15
ГЛАВА 5. «ЯЗЫК» 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Александр Хоук
Точка невозврата. Книга 2: Сопротивление

ЭПИГРАФ

«Точка невозврата — это не конец. Это начало. Начало пути, с которого нельзя свернуть. Начало сопротивления, которое нельзя остановить. Начало войны, которую нельзя проиграть».

ПРОЛОГ. «ЭХО»

Тьма.

Голоса. Далёкие. Как эхо. Как память, которую стёрли, но не до конца.

— Сириус, не убегай далеко!

Мама. Лиса. Рыжая. Тёплая. Она смеётся где-то там, в прошлом, которого он не помнит. Но голос — помнит. Тепло — помнит. Дом — помнит.

— Сириус! Они идут! Беги! Не оглядывайся! Спаси брата! Спаси себя!

Крик. Не смех. Ужас. Огонь. Она не смеётся. Она кричит. Она боится. За него. За брата. За всех.

— Ты знаешь, кто ты?

Отец. Волк. Серый. Сильный. Его голос — как железо. Как дым. Как что-то, что было домом. Что было защитой. Что было правдой.

— Ты — не объект. Ты — не ошибка. Ты — не собственность. Ты — зверь. Настоящий. Свободный. Не забывай.

— Ищи меня. Я в Нью-Йорке. Я жду тебя. Брат.

Мальчик. Совсем маленький. Волчонок с рыжими подпалинами. С зелёными глазами. Смех. Тепло. Тень. Его брат. Которого он не помнит. Но который помнит его.

— Ты обещал, что мы всегда будем вместе. Ты обещал, что не бросишь. Ты помнишь?

— Прости. Я не помню. Они стёрли. Прости.

— Ничего. Ты вспомнишь. Ты найдёшь меня. Ты спасёшь меня. Я верю.

Вспышка. Крик. Огонь. Лицо в зеркальных очках.

— Затмение начинается.

Он проснулся.

ГЛАВА 1. «ВРАГ НАРОДА»

База сопротивления. Медблок. Утро.

Он проснулся от боли.

Не от холода, не от звука — от боли. Тело горело. Раны, которые зашил гепард, пульсировали. Бок, плечо, грудь, шея — всё болело. Но он дышал. Он был жив. Он помнил, как умирал. Помнил свет. Помнил маму. Помнил «Не сейчас. Потом».

Он открыл глаза. Потолок. Серый. Бетонный. Не лаборатория. Не белый. Не стерильный. Он повернул голову. Кейт спала рядом на стуле, положив голову на край койки. Её лапа лежала на его лапе. Она не отпускала его. Даже во сне.

Он смотрел на неё долго. На её морду. На её шерсть. На тёмные круги под глазами. Она плакала. Много. Долго. Он видел следы слёз на её шерсти. Он сжал её лапу. Слабо. Едва. Но сжал.

Она проснулась. Резко. Посмотрела на него. И в её глазах сначала был страх — тот самый, что она пережила. Потом — облегчение. Потом — слёзы. Она не плакала. Просто смотрела. И слёзы текли сами.

— Ты вернулся, — прошептала она.

— Я вернулся, — сказал он. Голос хрипел. Горло пересохло.

Она наклонилась. Коснулась его морды. Лбом к его лбу. Закрыла глаза. Он закрыл тоже. Они лежали так минуту. Может, две. Может, три. Просто дышали. Просто были вместе. Просто жили.

Потом она отстранилась. Вытерла морду. Посмотрела на него.

— Ты говорил во сне, — сказала она. — Ты метался. Ты звал маму. Отца. Брата. Ты говорил про Нью-Йорк. Про «Затмение». Про свет.

Он молчал. Смотрел на неё. Потом сказал:

— Я видел их. Там. В свете. Маму. Отца. Брата. Они говорили со мной. Они сказали, что я должен вернуться. Что ещё не время. Что я нужен здесь. Тебе. Тени. Всем.

— Тени? — спросила она.

— Мой брат, — сказал он. — Младший. Я не помню его. Но он помнит меня. Он жив. Или был жив. Он в Нью-Йорке. Он ждёт меня. Я обещал ему, что найду его. Во сне. Я обещал.

Она смотрела на него долго. Потом сказала:

— Значит, у тебя есть брат. И он в Нью-Йорке. И мы его найдём.

— Мы? — спросил он.

— Мы, — сказала она. — Я не оставлю тебя. Никогда. Ты слышишь? Никогда.

Он смотрел на неё. И впервые за долгое время почувствовал что-то, кроме боли. Что-то тёплое. Что-то живое. Что-то настоящее.

Дверь открылась. Вошёл охранник — волк в чёрной форме. Он посмотрел на них. Молча. Потом сказал:

— Ворон ждёт. Немедленно.

База сопротивления. Зал. Утро.

Их привели в большой зал — бетонный, холодный, с картами на стенах и мониторами в углу. В центре стоял стол, за столом сидел Ворон. Пожилой. Седой. Чёрный. С одним крылом. Обрубок был аккуратно скрыт под курткой, но Сириус видел его. И Ворон знал, что он видит.

Он смотрел на Сириуса долго. Молча. Потом сказал:

— Значит, ты — Сириус Хоук. Сын Аргуса. И Лиры. Брат Тени.

Сириус замер.

— Вы знаете моего брата?

— Знал, — сказал Ворон. — Тень был здесь. Два года назад. Он искал тебя. Он искал родителей. Он искал правду. А потом его забрали. «Био Плюс». Нью-Йорк. Мы не смогли его спасти. Мы пытались. Мы потеряли троих. Он остался там.

Сириус смотрел на него и чувствовал, как что-то внутри сжимается. Боль. Ярость. Вина. Он не помнил брата. Но брат помнил его. Брат искал его. Брат ждал его. А он не знал. Он не помнил. Он был объектом. Он был никем.

— Я найду его, — сказал он. — Я вернусь в Нью-Йорк. Я вытащу его.

Ворон усмехнулся. Холодно.

— Ты? Ты — объект. Ты — их создание. Ты — оружие. Как я могу знать, что ты не приведёшь их к нам? Что ты не шпион? Что ты не один из них?

— Я не шпион, — сказал Сириус. — Я сбежал. Я убил их. Я вернулся за Кейт. Я не предам вас.

— Слова, — сказал Ворон. — Просто слова. Ты — враг народа, Сириус Хоук. Для «Био Плюс» ты — сбежавший объект. Для нас ты — угроза. Для всех остальных ты — чудовище, которое они боятся. Ты не герой. Ты не жертва. Ты — оружие, которое вышло из-под контроля. И я не знаю, можно ли тебе верить.

Сириус молчал. Он смотрел на Ворона и понимал, что тот прав. Он был объектом. Он был созданием «Био Плюс». Он был гибридом с разными глазами и шрамом. Он убил. Он переступил черту. Он не был героем. Он был тем, кем его сделали. И теперь он должен был доказать, что он нечто большее.

— Дай мне шанс, — сказал он. — Один. Я пойду в Нью-Йорк. Я найду брата. Я найду родителей. Я найду правду. И я уничтожу «Био Плюс». Если я не вернусь — вы ничего не потеряете. Если вернусь — вы получите союзника. Сильного. Злого. Готового на всё.

Ворон смотрел на него долго. Очень долго. Потом откинулся на спинку стула.

— Хорошо, — сказал он. — Один шанс. Ты пойдёшь в Нью-Йорк. С тобой пойдёт Кейт. И ещё двое моих людей. Ты найдёшь брата. Или то, что от него осталось. И ты докажешь мне, что ты — свой. Или умрёшь. Вместе со всеми нами.

Он встал и подошёл к карте США на стене. Нью-Йорк. Чикаго. Техас. Красные точки.

— Добро пожаловать в сопротивление, Сириус Хоук, — сказал он. — Надеюсь, ты не пожалеешь.

ГЛАВА 2. «КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА»

Нью-Йорк. Штаб-квартира «Био Плюс». Верхний этаж. Утро.

Красная дорожка тянулась от двери до стола — настоящая, бархатная, тёмно-красная, как кровь. Мраморный пол блестел под лампами, и в нём отражались окна во весь этаж, за которыми лежал Манхэттен, живой и равнодушный, не подозревающий, что наверху решаются судьбы.

За столом из тёмного дерева сидел Лев. Пожилой, седой, в дорогом костюме, с золотыми часами на передней лапе. Он не смотрел на вошедших — он смотрел в планшет, лежащий перед ним, и листал страницы медленно, как будто читал что-то интересное. Перед столом, на красной дорожке, стояли трое.

Куратор — волк. Начальник безопасности всей корпорации. Жёсткий, опытный, он стоял ровно и смотрел прямо, не опуская глаз.

Рысь — администратор корпуса Нью-Йорка. Молодая, хитрая, опасная. Она стояла чуть в стороне, с планшетом в лапах, и смотрела на Льва внимательно, как будто изучала его.

Гепард — врач из Чикаго, с перевязанной головой и повязкой через лоб. Он стоял у двери, опустив глаза, и не двигался.

Лев закрыл планшет, отложил его в сторону и посмотрел на них.

— Итак, — произнёс он тихо, и голос его звучал ровно, без единой ноты раздражения, что делало его куда более пугающим, чем любой крик. — Объект 0773, известный также как Сириус Хоук, гибрид волка и лисы, совершил побег из лаборатории Нью-Йорка, в результате чего мы потеряли двоих сотрудников убитыми и троих ранеными, лишились грузовика с оборудованием общей стоимостью в пять миллионов долларов, а также, что немаловажно, понесли невосполнимый репутационный ущерб. Он выжил в лесном массиве, добрался до Чикаго, проник на территорию аэропорта, вывел из строя доктора медицинского блока, освободил объект 0774, предателя по имени Кейт, убил патрульного и скрылся в неизвестном направлении при содействии преступной группировки, известной как сопротивление, и её главаря, оружейника Артура. Таким образом, мы имеем три провала, три отчёта и три человека, которые несут за это ответственность. Начнём с тебя, Куратор.

Куратор поднял голову, и его голос звучал твёрдо, без тени оправдания.

— Побег объекта 0773 из лаборатории Нью-Йорка — это моя зона ответственности, и я её не удержал. Однако я обнаружил его в Чикаго, я вёл его по следу и был близок к задержанию, но он оказался быстрее и убил патрульного. Я найду его снова, потому что он не уйдёт далеко: с ним Кейт, которая его замедляет, и он вернётся за ней или за своими родителями, а значит, рано или поздно он допустит ошибку.

Лев смотрел на него долго, и в его глазах не было ни гнева, ни раздражения — только холод, от которого становилось страшнее, чем от крика.

— Ты говоришь, что найдёшь его, но ты не нашёл его дважды, и я вынужден спросить тебя прямо, Куратор: почему я должен верить, что в третий раз всё сложится иначе?

Куратор выдержал паузу, прежде чем ответить, и голос его оставался ровным.

— Потому что теперь я знаю, как он думает. Он не просто зверь, он — гибрид, в котором сочетаются инстинкты волка и хитрость лисы, а значит, он не пойдёт напролом, он будет ждать, он будет искать и он пойдёт за родителями. Он направится в Нью-Йорк, или в Чикаго, или в Техас, но сначала он зализет раны и спрячется, и я дам ему неделю, может, две, а потом он выйдет, и тогда я буду ждать, потому что я буду готов.

Лев медленно кивнул.

— Хорошо. Теперь ты, Рысь.

Рысь шагнула вперёд, и в её голосе не было ни оправданий, ни паники, потому что она знала, что это бесполезно.

— Объект сбежал через вентиляционную шахту, вскрыл электронный замок, вывел из строя камеры наблюдения и подготовился к побегу заранее, наблюдая за системой охраны в течение недели. Моя ошибка заключается в том, что я недооценила его: я полагала, что он сломлен, что он всего лишь объект, но я ошибалась, потому что он не объект, он — зверь, настоящий и опасный.

Лев смотрел на неё, и в его взгляде читался холодный расчёт.

— Ты признаёшь ошибку, и это хорошо, но это не спасает тебя: ты отстранена от всех проектов до особого распоряжения.

Рысь кивнула, принимая приговор, но затем заговорила снова, и её голос звучал спокойно и уверенно.

— Разрешите мне остаться, не как администратор, а как аналитик. Я изучила его, я знаю его привычки, его повадки и его слабые места, и я могу помочь Куратору, не мешая ему, но принося пользу.

Лев смотрел на неё долго, а потом усмехнулся, и в этой усмешке не было тепла.

— Ты хитрая, как и должно быть, и это мне нравится. Хорошо, ты останешься, но если ты снова провалишься, я не буду так добр.

Рысь кивнула.

— Я поняла.

Лев повернулся к гепарду, который стоял с перевязанной головой, не смотрел в глаза и смотрел в пол.

— Ты врач, и ты лучший врач, который у нас есть, ты работал с объектами десять лет, и ты позволил объекту вырубить себя прикладом, а потом он надел форму службы безопасности, прошёл через твой медицинский блок, снял ошейник с объекта 0774, и ты ничего не заметил. Объясни мне, как это возможно.

Гепард молчал, а потом сказал тихо, и голос его дрожал.

— Он был в форме, в очках, и я не узнал его, потому что думал, что это новенький, он говорил уверенно, и он знал, что делает.

Лев усмехнулся, и в этой усмешке было столько холода, что гепард вздрогнул.

— Он знал, что делает? Он был объектом, лабораторной крысой, а ты — доктор, и ты должен был знать его в лицо, ты должен был проверить пропуск, ты должен был заметить шрам, гетерохромию и рыжий мех, но ты не заметил, и я хочу знать, почему.

Гепард молчал долго, а потом сказал:

— Потому что я был самоуверен, я думал, что он сломлен, что он просто объект, что он не вернётся, и я ошибся.

Лев кивнул, и в его голосе не было ни капли сочувствия.

— Ты ошибся, и ты заплатишь за это: ты отстранён на месяц, без права на эксперименты и без права на объекты, и ты будешь работать в архиве до тех пор, пока не поймёшь, что такое ответственность.

Гепард кивнул, молча, и в его глазах не было ничего, кроме усталости и страха.

Лев встал и подошёл к карте США на стене, и его взгляд скользнул по красным точкам — Нью-Йорк, Чикаго, Техас.

— Нью-Йорк, Чикаго, Техас, — произнёс он медленно, словно пробуя эти названия на вкус. — Он пойдёт туда, он будет искать родителей, он будет искать правду, и он будет искать нас, а значит, мы должны быть готовы. Куратор, ты возглавишь охоту, ты найдёшь его, ты приведёшь его ко мне живым, и всё остальное не имеет значения.

Он обернулся и посмотрел на них — троих, стоящих на красной дорожке.

— Вы все провалились, но у вас есть шанс исправить это, и я надеюсь, что вы не подведёте меня снова. Свободны.

Они развернулись и ушли по красной дорожке к двери, и их шаги звучали глухо, как удары молота по наковальне.

Лев остался один, и он смотрел на карту, а потом взял стакан с виски и сделал глоток, и в его глазах не было ни ярости, ни сожаления, только холодный расчёт.

— Сириус Хоук, ты не знаешь, что ты натворил, но скоро узнаешь, и скоро все узнают.

Он смотрел в окно, на город, на утро, и в его голосе звучала тихая, почти ласковая угроза.

— Начинается охота.

ГЛАВА 3. «ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО»

База сопротивления. Подземелье. Утро.

Его вели по длинному коридору — бетонные стены, тусклые лампы, капающая где-то вода. Кейт шла рядом, и двое охранников в чёрной форме — волк и лиса — сопровождали их, молча и без эмоций. Сириус не сопротивлялся. Он знал, что это проверка. Он знал, что должен пройти её.

Дверь в конце коридора открылась, и они вошли в большой зал.

Это было похоже на штаб. Карты на стенах, столы с документами, мониторы в углу. В центре стоял большой стол, а за ним сидел Ворон.

Пожилой. Седой. Чёрный. Одно крыло — обрубок, аккуратно скрытый под курткой. Он не встал, когда они вошли. Он просто смотрел. Долго. Изучающе. Как хищник, который решает, стоит ли тратить силы на добычу.

— Садись, — сказал он, кивнув на стул напротив.

Сириус сел. Кейт осталась стоять у двери. Охранники вышли.

Ворон смотрел на него минуту, может, две. Молчал. Сириус тоже молчал. Он знал эту игру. Он играл в неё всю жизнь. В лаборатории. В клетке. В побеге. Молчание — это оружие. И Ворон это знал.

Наконец Ворон заговорил, и его голос звучал глухо, словно шёл из глубины бетонных стен.

— Значит, ты — Сириус Хоук, сын Аргуса и Лиры, брат Тени, и ты сидишь здесь, в моём подземелье, живой и невредимый, в то время как твои родители, вероятно, мертвы, а твой брат гниёт в лаборатории Нью-Йорка. Скажи мне, Сириус Хоук, что ты чувствуешь, когда слышишь эти имена?

Сириус не дрогнул, потому что уже слышал эти имена во сне и в видениях, но сейчас они звучали иначе — реальнее, тяжелее, и в них была боль, которую он не мог себе позволить показать.

— Я чувствую, что должен найти их, — сказал он ровно. — И что я не остановлюсь, пока не узнаю правду.

Ворон медленно кивнул, и в его взгляде не было ни тепла, ни сочувствия.

— Я знал твоего отца, и я служил с ним в одном отряде, и он был хорошим солдатом, лучшим из всех, кого я знал, но потом он ушёл с твоей матерью, и они скрывались от «Био Плюс» и от системы, потому что хотели спасти тебя и твоего брата, и они знали, что за вами придут.

— Где они сейчас? — спросил Сириус, и голос его был твёрдым, хотя внутри всё сжималось.

Ворон молчал, и это молчание было тяжелее любого ответа, а потом он сказал тихо:

— Я не знаю, где они, и я не знаю, живы ли они, потому что их забрали давно, и я пытался помочь, но потерял крыло, потерял людей и потерял всё, что у меня было, однако я выжил, и я создал сопротивление, чтобы бороться против «Био Плюс», против того, что они делают, и против «Затмения».

Сириус наклонился вперёд, и его глаза сузились.

— Что такое «Затмение»?

Ворон усмехнулся, и в этой усмешке не было ничего, кроме горечи.

— Ты не знаешь, или они стёрли это из тебя, или ты просто не помнишь, потому что «Затмение» — это проект, это оружие, но не для убийства, а для стирания, они стирают память, переписывают прошлое и делают из зверей объекты, а из личностей — пустые оболочки, и ты

— один из них, ты — результат, ты — их создание, и теперь ты здесь, в моём доме, и я должен решить, что с тобой делать.

— Я не их создание, — сказал Сириус, и голос его был твёрдым, как сталь. — Я сбежал, я убил их, я вернулся за Кейт, и я не предам вас.

Ворон смотрел на него долго, и в его глазах не было ни капли доверия.

— Слова, это просто слова, потому что ты — объект, ты — оружие, ты — угроза, и я не могу знать, что ты не приведёшь их к нам, что ты не шпион и что ты не один из них, и пока ты не докажешь обратное, ты останешься для меня тем, кем тебя сделали.

Сириус молчал, потому что понимал, что Ворон прав: он был объектом, он был созданием «Био Плюс», он был гибридом с разными глазами и шрамом, он убил, он переступил черту, и он не был героем, он был тем, кем его сделали, и теперь он должен был доказать, что он нечто большее.

— Дай мне шанс, — сказал он. — Один. Я пойду в Нью-Йорк, я найду брата, я найду родителей, я найду правду и уничтожу «Био Плюс». Если я не вернусь — вы ничего не потеряете. Если вернусь — вы получите союзника. Сильного. Злого. Готового на всё.

Ворон смотрел на него долго, очень долго, а потом откинулся на спинку стула, и в его глазах что-то изменилось.

— Хорошо. Один шанс. Ты пойдёшь в Нью-Йорк, с тобой пойдёт Кейт, и ещё двое моих людей, ты найдёшь брата или то, что от него осталось, и ты докажешь мне, что ты свой, или умрёшь вместе со всеми нами.

Он встал и подошёл к карте США на стене, и его взгляд скользнул по красным точкам — Нью-Йорк, Чикаго, Техас.

— Добро пожаловать в сопротивление, Сириус Хоук, — сказал он, и в его голосе не было ни тепла, ни угрозы, только холодная констатация факта. — Надеюсь, ты не пожалеешь.

ГЛАВА 4. «ЛИНЗЫ»

База сопротивления. Комната без окон. Ночь.

Его привели в маленькую комнату — без окон, с матрасом на полу и лампой на потолке. Ворон ждал внутри, и рядом с ним стоял волк — один из охранников, тот самый, что вёл его по коридору. В воздухе висел запах сырости и старого бетона.

Ворон смотрел на него долго, а потом заговорил, и голос его звучал тяжело и непреклонно:

— Ты хочешь, чтобы я тебе доверял. Ты хочешь, чтобы я дал тебе людей, оружие, информацию и дорогу в Нью-Йорк, и ты хочешь, чтобы я поверил, что ты не шпион, что ты не приведёшь «Био плюс» к нам и что ты не объект, который вернулся, чтобы уничтожить нас изнутри. Я слишком долго живу в этом мире, чтобы верить в такие чудеса на слово.

Сириус подался вперёд, и в его голосе зазвучала глухая, сдерживаемая ярость:

— Я не шпион. Сколько раз мне ещё это повторить, чтобы ты, наконец, услышал меня? Я сбежал от них, я убивал их, я рисковал своей шкурой, чтобы вытащить Кейт, и я не собираюсь предавать тех, кто дал мне шанс!

Ворон даже не моргнул, его голос оставался ледяным:

— Слова. Это всего лишь слова, и все так говорят, все клянутся, и все врут. Я видел это сотни раз, и я не могу рисковать людьми, своими людьми, из-за тебя, потому что ты — объект, ты — их создание, ты — оружие. И как любое оружие, ты можешь выстрелить в обратную сторону.

Он открыл маленькую коробочку, и внутри лежали линзы — прозрачные, тонкие, почти невидимые.

— Вот решение, — сказал Ворон. — Ты наденешь их, добровольно, и они будут видеть всё, что видишь ты, слышать всё, что слышишь ты, и знать всё, что знаешь ты. Если ты шпион — я узнаю, если ты предашь — я увижу, и если ты приведёшь их к нам — я пойму, и тогда ты умрёшь, и она умрёт, и все умрут, но если ты не шпион — ты докажешь это своими глазами, своими словами и своей жизнью.

Сириус смотрел на линзы, и его голос дрогнул от едва сдерживаемой боли:

— Это ошейник. Только другой. Ты хочешь снова надеть на меня поводок, как это делали они, и думаешь, что я соглашусь на это добровольно? Ты думаешь, что после всего, что они со мной сделали, я позволю кому-то снова залезть мне в глаза?

Ворон выдержал его взгляд, и в его голосе не было ни капли сочувствия:

— Да, это ошейник, и я не доверяю тебе, пока, потому что ты — объект, ты — оружие, ты — угроза, и я должен знать, что ты делаешь, что ты говоришь и куда ты идёшь, иначе сделки не будет. Ты можешь уйти прямо сейчас. Но тогда ты уйдёшь один, без брата, без ответов и без мести.

Сириус сжал кулаки, и его когти впились в ладони, но он заставил себя выдохнуть. Посмотрел на Кейт, стоявшую у двери с болью и бессилием в глазах, а потом снова повернулся к Ворону, и в его голосе зазвучала сталь:

— Ты хочешь, чтобы я доказал, что я не их? Я докажу. Не словами, а действиями. Но запомни, Ворон: ты надеваешь на меня поводок, и я это запомню, а когда я вернусь из Нью-Йорка с твоим ответом, ты будешь смотреть мне в глаза и вспоминать этот момент. Надевай.

— Ложись, — сказал Ворон.

Сириус посмотрел на матрас, потом на Ворона, и в его голосе прорезалась глухая, злая усмешка:

— Знаешь, а я ведь уже лежал так. В лаборатории. На кушетке. С ремнями. И знаешь, что я тогда чувствовал? Страх. А сейчас — только ярость. Потому что тогда я был один, а сейчас за дверью стоит та, за которую я готов разорвать любого, кто попробует меня сломать.

Он лёг. Сам. Без сопротивления.

Ворон кивнул волку. Тот подошёл, наклонился, взял Сириуса за шею. Крепко. Лапой. Прижал к матрасу.

Сириус дёрнулся, и в его голосе зазвучала хриплая, рваная злость:

— Убери лапу, или я, клянусь, отгрызу её к чёртовой матери, даже со стеклом в глазах!

— Не дёргайся, — сказал волк ровно. — Иначе будет хуже.

— Хуже уже некуда, — прошипел Сириус, но заставил себя замереть.

Ворон подошёл с другой стороны. В его лапах была маленькая коробочка. Он открыл её. Внутри — линзы. Прозрачные. Тонкие. Почти невидимые.

— Открой глаза, — сказал Ворон.

Сириус открыл. Он смотрел на потолок. На лампу. На свет, который резал глаза. И в его голосе зазвучала тихая, ровная ненависть:

— Я запомню это. Каждую секунду. Каждое стекло. И когда-нибудь ты ответишь мне за это.

Ворон наклонился, пальцами раздвинул веки Сириуса, шире, ещё шире. Сириус почувствовал холод стекла, линза коснулась глаза — медленно, точно, без жалости.

Он зажмурился. Рефлекс.

— Не закрывай, — сказал Ворон. — Иначе не встанет правильно. Придётся переделывать.

Волк сжал шею сильнее. Сириус открыл глаза, и из его горла вырвался глухой, яростный рык:

— Я не забуду этого, слышишь? Никогда. И когда придёт время, я напомню тебе, кто я.

— Готово, — сказал Ворон. Отступил.

Волк отпустил шею. Сириус остался лежать. Он моргнул. Раз. Два. Три. Мир был таким же. Но теперь он знал: каждый его взгляд — не только его. Каждое слово — не только его. Каждая мысль — под стеклом.

Он сел, посмотрел на Ворона, и в его голосе зазвучала глухая, тяжелая усталость, смешанная с едва сдерживаемой яростью:

— Теперь ты доволен? Теперь ты видишь мой гнев? Смотри, наслаждайся. Только запомни: ты сделал из меня не союзника, а зверя, которого привязали к поводку. И однажды я сорвусь.

Ворон холодно кивнул, не обращая внимания на его слова:

— Теперь ты — наш. Пока.

Дверь открылась. Вошла Кейт. Она увидела его — на матрасе, с линзами, с волком рядом, с Вороном — и всё поняла. Её глаза расширились. Ярость. Боль. Бессилие. Она хотела закричать, но не могла, потому что знала: если она закричит — будет хуже.

Она подошла к нему, села рядом, взяла его за лапу, крепко, как будто боялась, что его заберут прямо сейчас.

— Я в порядке, — сказал он тихо, но его голос дрогнул, и в нём была вся та боль, которую он держал внутри.

— Нет, — сказала она, и в её голосе была твёрдость. — Ты не в порядке. И я не в порядке. И я ненавижу их за это. Всех. Но мы справимся. Вместе. Слышишь меня? Мы выберемся, и мы заставим их заплатить за каждую линзу, за каждый ошейник, за каждую секунду боли.

Сириус сжал её лапу в ответ, и его голос стал тише, но твёрже:

— Я вытащу нас обоих. И брата. И родителей. Или умру, пытаясь.

Ворон смотрел на них, потом сказал:

— У вас есть день. Соберитесь. Отдохните. Завтра — Нью-Йорк.

Он вышел. Волк за ним. Дверь закрылась.

Сириус и Кейт остались одни. На матрасе. Под лампой. Под стеклом. И в тишине этой комнаты Сириус впервые позволил себе закрыть глаза и выдохнуть, чувствуя, как линзы холодят глазницы, а ярость медленно, очень медленно отступает, уступая место холодной, расчётливой решимости.

ГЛАВА 5. «ЯЗЫК»

База сопротивления. Зал. Утро.

Ворон ждал его у стола. На столе лежала папка — тонкая, серая, с грифом «Био плюс» в углу. Рядом стояла Кейт, и двое незнакомых зверей — волк и барсук — стояли у стены, молча и внимательно.

Ворон подтолкнул папку к Сириусу, и его голос звучал сухо и по-деловому:

— Твоя первая миссия, но не Нью-Йорк, пока не Нью-Йорк. Чикаго, склад на окраине, где работает младший администратор одного из блоков «Био плюс»: имя — Марк, вид — лис, возраст — тридцать два года, должность — младший администратор сектора «Б». Он курирует поставки оборудования и документы по объектам, сегодня вечером он будет на складе один с двумя охранниками проверять накладные, и твоя задача — взять его живым, тихо, без тревоги и без шума, и привезти на базу, потому что он — наш язык, и он знает то, что нам нужно.

Сириус открыл папку, посмотрел на фотографию — молодой лис в очках, в форме «Био плюс», с хитрым и умным взглядом, — и в его голосе зазвучала мрачная уверенность:

— Я знаю таких. В лаборатории их было много. Они не пачкали лапы, они отдавали приказы и смотрели на объекты, как на цифры в отчетах. Почему именно он?

— Потому что он знает про «Затмение», — ответил Ворон, и в его глазах не было ни капли сомнения. — Он работал с документами, он видел списки, он знает, где держат твоих родителей и твоего брата, и он — ключ. Но он не скажет добровольно, поэтому ты возьмёшь его, приведёшь сюда, и тогда мы поговорим с ним по-другому.

Сириус кивнул, посмотрел на Кейт — она смотрела на него, молча, и в её глазах была та же решимость, что и у него, — и она кивнула один раз, едва заметно.

— Кто со мной? — спросил Сириус, и его голос был коротким и собранным.

— Кейт, — сказал Ворон, — и двое моих людей: волк и барсук, они прикроют, если что-то пойдёт не так, но работать будешь ты, потому что это твоя проверка.

Волк шагнул вперёд — серый, крупный, с шрамом на морде, молчаливый, — и коротко представился:

— Меня зовут Гром.

Барсук остался у стены — низкий, плотный, с хитрыми глазами — и улыбнулся, слабо, но улыбнулся:

— А меня — Крот.

Сириус кивнул, и в его голосе зазвучала холодная, собранная сталь:

— Тогда слушайте внимательно. Мы не идём на войну, мы идём на охоту, и на охоте главное — тишина. Никаких автоматов, никакой пальбы, только пистолет с глушителем, нож и собственные лапы. Мы не мясники, мы профессионалы, и если можно обойтись без крови, мы обойдёмся без крови, но если выбора не будет — я приму это решение сам.

Гром кивнул, Крот прищурился, а Кейт сжала его лапу.

Чикаго. Окраина. Вечер.

Машина остановилась в двух кварталах от склада, Гром заглушил двигатель, и в наступившей тишине были слышны только ветер, далёкий лай собак и их собственное дыхание.

Крот вышел первым, осмотрелся, махнул лапой, и Сириус с Кейт вышли следом, оставив Грома за рулём — он должен был ждать и быть готовым сорваться в любой момент.

Они прошли через пустырь — тёмный, заросший, с ржавыми контейнерами, бетонными плитами и мусором, — и остановились за старым контейнером, откуда был виден склад: двухэтажное серое здание с одним горящим окном на втором этаже, забор с колючей проволокой и дырой в дальнем углу, охрана у входа и двое у ворот.

Крот присел, разложил на земле нарисованную от руки схему и заговорил тихо, быстро и чётко:

— Смотри внимательно. Вход с севера, двое охранников: один курит, второй в телефоне, смена через час, и мы идём сейчас, пока они расслаблены. Камеры — две, одна у входа, вторая в коридоре, первая смотрит на дверь, вторая на лестницу, а мёртвая зона — справа от лестницы, там можно встать и не быть увиденным. Дроны ночью не летают, только днём, мы идём вечером, и у нас есть окно в полтора часа, может, два, за это время надо войти, взять администратора, выйти и уехать.

— Администратор где? — спросил Сириус, и его голос был коротким, как удар.

— Второй этаж, — ответил Крот, — кабинет в конце коридора, там свет, он там один с документами, и охрана внутри — ещё двое: один на первом этаже у лестницы, второй на втором у кабинета, и их надо убрать тихо, без шума и без тревоги.

Сириус кивнул, посмотрел на окно, на свет, и в его голосе зазвучала холодная решимость:

— План такой: я иду первым, Кейт за мной, Крот замыкает, Гром ждёт у машины. Если что-то идёт не так — он подъезжает к северному входу, мы выходим через дыру в заборе, быстро и без оглядки. Если тревога — мы уходим без администратора, без языка и без информации, но живыми, потому что если мы умрём — Тень останется там навсегда, и этого не будет.

Кейт кивнула, Крот уважительно прищурился, и Сириус продолжил, и в его голосе была та самая тактика, которую он вынашивал все эти дни:

— Работаем по стелсу: на входе снимаем обоих без звука, одного — рукоятью в висок, второго — захватом за шею до потери сознания, и никаких выстрелов без крайней необходимости. В коридоре держимся мёртвой зоны справа от лестницы, чтобы камера не взяла нас в кадр. На втором этаже охрану у кабинета убираем ножом плашмя, чтобы не оставить крови, а администратора берём в кольцо, прижимаем к стене и не даём ему даже пикнуть, а если он попробует дернуть рукой к кнопке вызова — ломаем запястье, но не убиваем, потому что он нужен живым.

— А если сирена? — спросила Кейт, и её голос был тихим, но твердым.

— Тогда импровизируем, — сказал Сириус, и в его глазах блеснула холодная ярость, — но так, чтобы никто из нас не остался на этом складе навсегда.

Они проверили рации, пистолеты, мачете и магазины, и Сириус посмотрел на Кейт — она посмотрела на него, долго, очень долго, — и она спросила:

— Ты уверен?

— Нет, — сказал он, и в его голосе была вся та тяжесть, которую он нес, — но я должен, ради Тени, ради родителей, ради всех и ради тебя.

Она сжала его лапу, он сжал в ответ, и они пошли в темноту, к складу, к администратору, к информации.

Чикаго. Склад. Ночь.

Они двинулись через двадцать минут — Сириус первым, Кейт за ним, Крот замыкал, — шли вдоль забора, прижимаясь к стене, шаг за шагом, тихо, как тени. Дыра в заборе была там, где сказал Крот — ржавая, широкая, с загнутыми краями, — и Сириус пролез первым, помог Кейт, потом Крот, и ни звука, ни шороха, только ветер.

Они оказались на территории, склад был тёмным, и только одно окно горело на втором этаже — кабинет. Сириус посмотрел на него, потом на Кейт, она кивнула, и он пошёл к служебной двери, которую Крот вскрыл за десять секунд — тихо, без шума.

Коридор был тёмным, только аварийные лампы у пола горели красным и тусклым, и пахло пылью и старой бумагой. Сириус шёл первым, пистолет с глушителем в передней лапе, нож на поясе, Кейт за ним, Крот замыкал.

Первый охранник спал на стуле у входа, голова запрокинута, рот приоткрыт, телефон на коленях. Сириус подошёл близко, очень близко, и в его голове пронеслась мысль: «Он не

заслужил, но он на их стороне», и он убрал пистолет, взял нож, ударил рукоятью в висок — точно, без крови, без звука — и охранник обмяк, а Сириус опустил его на пол и пошёл дальше.

Второй охранник был в коридоре у лестницы и смотрел в телефон, свет от экрана падал на его морду, и Сириус подошёл сзади, тихо, очень тихо, и сжал шею, и охранник захрипел, схватился за лапу, но Сириус держал крепко, пока тот не обмяк, и опустил его на пол мягко и без шума.

Лестница, второй этаж, кабинет — дверь приоткрыта, свет, голос, и администратор говорил по телефону:

— Да, я видел документы, объект 0773, гибрид, волк-лиса, он сбежал из Нью-Йорка, я знаю, но это не моя зона, я сектор «Б» и занимаюсь поставками, да, я знаю про «Затмение», но я не занимаюсь объектами, я занимаюсь бумагами, да, хорошо, я понял, я буду осторожен.

Сириус слушал, и в его крови закипала ярость, но он держал себя в лапах, и когда он толкнул дверь и вошёл, пистолет с глушителем был направлен прямо в морду лиса, который обернулся, замер, и его глаза расширились от ужаса, когда он узнал пепельный загривок, рыжие вставки, белую морду, разные глаза и шрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.